

I

Утром того дня нормандский конный разъезд схватил молодого англичанина, добывающего корм скоту в лесу южнее реки Тайн. Допросив его, нормандцы решили, что перед ними повстанец, и повесили бедолагу на высоком холме в назидание всем жителям долины. Поеживаясь от холода, солдаты дождались, когда жертва перестанет биться в конвульсиях, и ускакали прочь. Они еще не скрылись из виду, как птицы-падальщики, кружась, устремились вниз и налетели на труп алчной стаей.

Ближе к вечеру несколько изнуренных голодом крестьян прокрались на холм и отпугнули птиц. Перерезав веревку, они положили мертвеца на промерзшую землю. Ни глаз, ни языка, ни носа, ни гениталий у него уже не было, безгубый рот зиял немым криком. Люди молча, не глядя друг на друга, стояли вокруг трупа, держа в руках топоры для разделки туш. Наконец один из них шагнул вперед, взял руку мертвеца и, размахнувшись, отрубил. Остальные тоже принялись за дело, кромсая и распиливая тело на куски, а вокруг них скакали вóроны, отбирая друг у друга остатки.

Вдруг птицы взвились в небо, охваченные паникой. Людоеды, подняв глаза, застыли в оцепенении, а затем повскакивали на ноги, ахнув от удивления при виде человека, внезапно появившегося на вершине холма. Казалось, он возник из ниоткуда — черный силуэт на фоне мрачного февральского неба, с мечом, сжатым в руке. Один из каннибалов громко закричал, и вся шайка бросилась наутек. Бывшая среди них женщина что-то обронила. Вскрикнув, она хотела было вернуться, но спутник схватил ее за руку. Она продолжала голосить, в нерешительности оглядываясь назад, пока он тащил ее за собой.

Франк смотрел им вслед, его дыхание клубилось паром в морозном воздухе. Затем, вложив меч в ножны, он повел своего костлявого мула к виселице. Даже в обносившихся в странствиях, не совсем

чистых одеяниях он производил устрашающее впечатление. Это был высокий человек с глубоко посаженными глазами, потемневшими от солнца и ветра скулами, крупным носом и растрепанными волосами, обрамляющими длинное лицо.

Мул странника фыркнул, когда ворон, застрявший в ребрах мертвеца, наконец вырвался и полетел прочь. Мужчина равнодушно взглянул на обезображенный труп, а затем нахмурился. Впереди него, едва различимый в наступивших сумерках, лежал завернутый в ткань предмет, потерянный женщиной. Привязав мула к виселице, франк подошел к свертку и перевернул его носком сапога. Он взгляделся в сморщенное личико младенца с плотно закрытыми глазами, которому было всего несколько дней от роду. Рот малыша искривился — он был жив.

Путник огляделся по сторонам. Воронье снова стало слетаться на землю. Спрятать ребенка было негде. Как только он покинет вершину холма, птиц станет еще больше. Милосерднее было бы избавить малютку от страданий сейчас же, одним ударом меча. Даже если его мать и возвратится, он наверняка уже будет мертв от голода.

Взгляд странника наткнулся на виселицу. Мгновение поколебавшись, он поднял младенца на руки. По крайней мере младенца хорошо запеленали, оберегая от мороза. Мужчина устало побрел к своему мулу, вытащил из-под седла пустой мешок. Ребенок издал недовольный писк, его губы шевельнулись, изображая сосательное движение. Положив младенца в мешок и сев верхом на мула, он привязал мешок к обрывку веревки, оставшейся на виселице, так чтобы волки не могли достать его. Конечно, это ненадолго задержит птиц, но франк понимал, что мать вернется за малышом, как только он уйдет отсюда.

Горько улыбнувшись, странник сказал:

— От роду неделя, а уже повешен. Если выживешь, может, станешь хорошим человеком.

Птицы вновь переполошились, когда на гребне горы, едва переставляя ноги, появился еще один человек. Он остановился, увидев виселицу.

— Поторапливайся! — крикнул ему франк. — Скоро стемнеет.

Наблюдая за приближением паренька, франк покачал головой. Сицилиец напоминал ходячее пугало. Еще одна ночь, проведенная

без пищи и крова, — и ему, скорее всего, конец, а единственная возможность переночевать в тепле и поесть — идти к людям, вздержавшим этого несчастного англичанина.

Сицилиец застыл на месте с угрюмым выражением черных глаз на мертвенно-бледном лице. Уставившись на обезображенный труп, он, не сдержав отвращения, вскрикнул:

— Кто это сделал?

— Голодающие крестьяне, — ответил франк и взял в руки вожжи. — Они были еще здесь, когда я пришел. Слава Богу, что не ты шел впереди.

Взгляд сицилийца, скользнув по сторонам, остановился на мешке.

— А это что такое?

Франк ничего не ответил.

— Они не могли уйти далеко. Думаю, они где-то притаились, поджидая нас. — Он подстегнул мула. — Так что не отставай, если не хочешь закончить жизнь, варясь в котелке.

От изнеможения парень не мог сдвинуться с места.

— Как я ненавижу эту страну, — пробормотал он так слабо, что сказанное едва можно было прочесть по губам. — Ненавижу!

Тихий писк заставил его отшатнуться в испуге. Он был готов поклясться, что звук исходил из мешка. Беспокойно поискав глазами франка, он увидел его удаляющийся силуэт. Из мешка снова донесся писк. Птицы, опять появившиеся в свинцовом небе, черными пятнами стали медленно опускаться на землю. Одна из них запрыгнула на череп мертвеца и, покосившись в сторону сицилийца, погрузила голову в разодранное тело.

— Постойте! — закричал сицилиец и, пошатываясь, поспешил вдогонку за своим господином. Затем он стал взбираться на зловещую вершину.

Франк торопился, пока совсем не стемнело. Путь пошел под уклон, и стали видны очертания отдаленных холмов. Сделав несколько шагов, он опустил на корточки, всматриваясь в сторону широкой долины. Тьма уже окутала речную равнину, и он, возможно, не заметил бы крепость, если бы та не оказалась совсем недавней постройкой. Свежепобеленные деревянные стены мрачно возвышались в темноте, еще храня на себе следы топора. Крепость рас-

полагалась в слиянии двух притоков, один из которых тек с севера, а другой, петляя, спускался с запада.

Он проследил глазами направление течения реки, посмотрев на восток, где она исчезала в сгущавшейся темноте. Потер кулаками глаза и снова взглянул на крепость, имевшую форму восьмерки. Без сомнения, она принадлежала нормандцам. Возвышающаяся на пригорке цитадель была обнесена собственным частоколом, рядом высился большой замок, а ниже виднелись меньшие по размеру здания. «Неплохое расположение, — подумал франк. — Замок защищен с обеих сторон рекой, а через приток перекинут мост, который удобно оборонять».

Он поднял глаза и увидел еще одну линию обороны, находящуюся на гребне горы в двух милях позади замка. За долгие годы службы он не встречал ничего подобного. Это была стена, которая, прерываясь сторожевыми башнями, тянулась прямо по пересеченной местности, невзирая на естественные преграды. Вероятно, это была оборонительная линия, построенная римлянами для защиты своей самой северной границы от нашествия варваров. В сумеречном свете наступающей ночи угрюмые холмы, виднеющиеся вдаль, производили устрашающее впечатление.

Над замком повис расплывающийся клуб дыма. Франку помечтались люди, неспешно возвращающиеся в крепость с окрестных полей. Недалеко отсюда вниз по реке располагалась большая деревня, но дома там стояли с провалившимися крышами, а на месте отдаленных хозяйств чернели пожарища. С тех пор как странники пять дней назад переправились через реку Хамбер, они не встретили ни одной обитаемой деревни. Разграбленные и сожженные селения севера были мстью нормандцев за вспыхнувшее в Йорке два года назад восстание англосаксов при военной поддержке датчан. В проблесках исчезающего света франк успел заметить, что путь к замку проходит через лес.

Сицилиец с шумом повалился рядом с ним.

— Вы нашли замок?

Франк махнул рукой.

Сицилиец взгляделся в темноту. Искра волнующего ожидания потухла в его глазах, и лицо исказилось в гримасе разочарования.

— Но это всего лишь деревянная крепость.

— А что ты ожидал увидеть? Мраморный дворец с позолоченными шпилями? — Франк поднялся на ноги. — Вставай. Скоро стемнеет, а этой ночью звезд не будет.

Сицилиец продолжал сидеть на земле.

— Не думаю, что нам стоит туда идти.

— Что ты имеешь в виду?

— Это слишком опасно. Мы можем передать документы епископу в Дареме.

Франк стиснул зубы.

— Я целым и невредимым доставил тебя сюда через всю Европу, а теперь, очутившись у цели, ты хочешь, чтобы после всех перенесенных лишений мы повернули назад?

Сицилиец нервно сжимал ладонь в ладони.

— Я не ожидал, что наше путешествие так затянется. Нормандцы практичны в делах наследования. Возможно, они уже не обрадуются нашим новостям.

— Обрадуются или нет, а ночью пойдет снег. Дарем остался позади, до него отсюда день хода. Крепость — наше единственное пристанище.

Внезапно падальщики смолкли. Взметнувшись в суматохе вверх, они сделали круг, а затем, спикировав вниз, направились в сторону леса. Когда их всклокоченные силуэты исчезли, наступила гнетущая тишина.

— Бери, — сказал франк, сунув сицилийцу ломоть хлеба.

Парень удивленно посмотрел на него.

— Я думал, что весь наш провиант закончился.

— У солдата всегда найдется что-нибудь про запас. Ну, бери же.

— А как же вы?

— Я уже съел свою долю.

Сицилиец запихнул кусок хлеба в рот. Франк отошел в сторону, чтобы не слышать возбуждающих аппетит звуков, издаваемых жующим человеком. Повернувшись, он увидел, что юноша тихонько всхлипывает.

— В чем дело?

— Мне так жаль, сэра. Я вам обуза, и от меня одни неприятности.

— Садись на мула, — скомандовал франк и добавил, пресекая возражения сицилийца: — Я пекусь не о твоём комфорте. Просто